

## **Римма Павловна Иванова:**

... Первый класс позади. Лето. Всё чудесно! И никто еще не знает, что всех нас ждёт ужасная беда. И вот - грозный и страшный день: 22 июня 1941 года. Война.

Улыбки с лиц взрослых исчезли. Все в ожидании: на фронт могут взять отцов, братьев, сестёр... Мы, дети, тоже притихли. Ко всеобщему огорчению, наша армия отступала на восток, а фашисты шли вперёд, занимая наши города, сёла, деревни. Появились первые пленные, раненые, убитые. Я хорошо помню, как быстро поседела мама моей подружки, когда ее семья получила похоронку. Слезы и слёзы. В школах размещали госпитали. Наша 46-я тоже заполняется ранеными.... А нас перевели в небольшую 27-ю школу на Типографской улице. Учились в три смены. Вечером после уроков с ведрами и тряпками бежали в школу мыть классы и коридоры.

А дома холодно и голодно. Семья у нас была большая. Нас у мамы четверо. Папа – член партии ВКПб, работал заместителем председателя «Кожремсоюза». Он ушёл на фронт добровольцем, хотя имел возможность получить броню, и его могли бы оставить работать в Иванове... Но он сделал свой выбор...

Мы жили в частном деревянном доме с печным отоплением. Запасов дров нет... Бабушка и мама ездили в лес с большими санками, сами пилили на дрова. Я, как старшая, мне уже 10 лет, оставалась дома с младшими братьями. Иногда мама уезжала на заготовку дров на неделю. Мы оставались с бабушкой, которая работала на обувной фабрике. Дисциплина на любом предприятии была очень строгая. Рабочие не могли опоздать ни на секунду.

Хлеб и остальные продукты выдавали по карточкам. Рабочим было положено 500 грамм, служащим - 400, детям - 200-300. А хлеб был тяжёлый, в него добавляли картофель, свёклу, травы, и ещё какие-то компоненты, которые я уже не помню.

Взрослые рубили зелёные капустные листья, их собирали на колхозных полях: получались зелёные щи. Я помню, что мама всегда варила их очень густые, конечно, без мяса, его мы практически на своем столе не видели... Но зато мы ставили, именно ставили, деревянные ложки в эти щи, и они стояли, не падая. А когда мама или бабушка резали хлеб, мы следили голодными глазами, кому какой толщины достанется кусок. Мама не раз объясняла нам, почему бабушка и брат должны получить кусок побольше... Старший брат работал на Северном аэродроме, иногда он не приходил домой по неделе. Изредка он приносил домой буханку чёрного хлеба, и мы считали этот день праздником! Было так голодно, что мы ели и траву, и лебеду, и дикий щавель, и какие-то травяные лепёшки. А из картофельных очисток мама пекла оладьи. Какие же они были вкусные!

Рядом с нашим домом - Южный аэродром. В нескольких метрах от колючего ограждения стояли самолёты, укрытые защитной маскировочной сеткой. В землянке, недалеко от самолётов, жили лётчики и технари. Мы, дети, частенько лазили через проволоку, чтобы посмотреть на самолёты, но нас быстро оттуда выдворяли. Рядом с ограждением стояли лёгкие самолёты, а дальше, в ангарах - большие истребители.

Очень часто объявлялись воздушные тревоги. У каждого в семье всегда наготове вещевые мешки - на случай, если придётся покинуть дом. Во время тревоги мы сидели дома, прижавшись друг к другу, а самолёты гудели прямо над нами. Было очень страшно. Но дети есть дети. После отбоя мы бежали на улицу, подбирали гильзы для игры и смотрели, как возвращались на аэродром наши самолёты.

Мама работала на дому, так как оставлять нас одних было нельзя. Ремонтировала экипировку, которая присылалась с фронта: меховые варежки, комбинезоны, куртки. Мы садились вокруг мамы в кружок и чистили, вывёртывали, складывали готовые вещи, помогая ей...